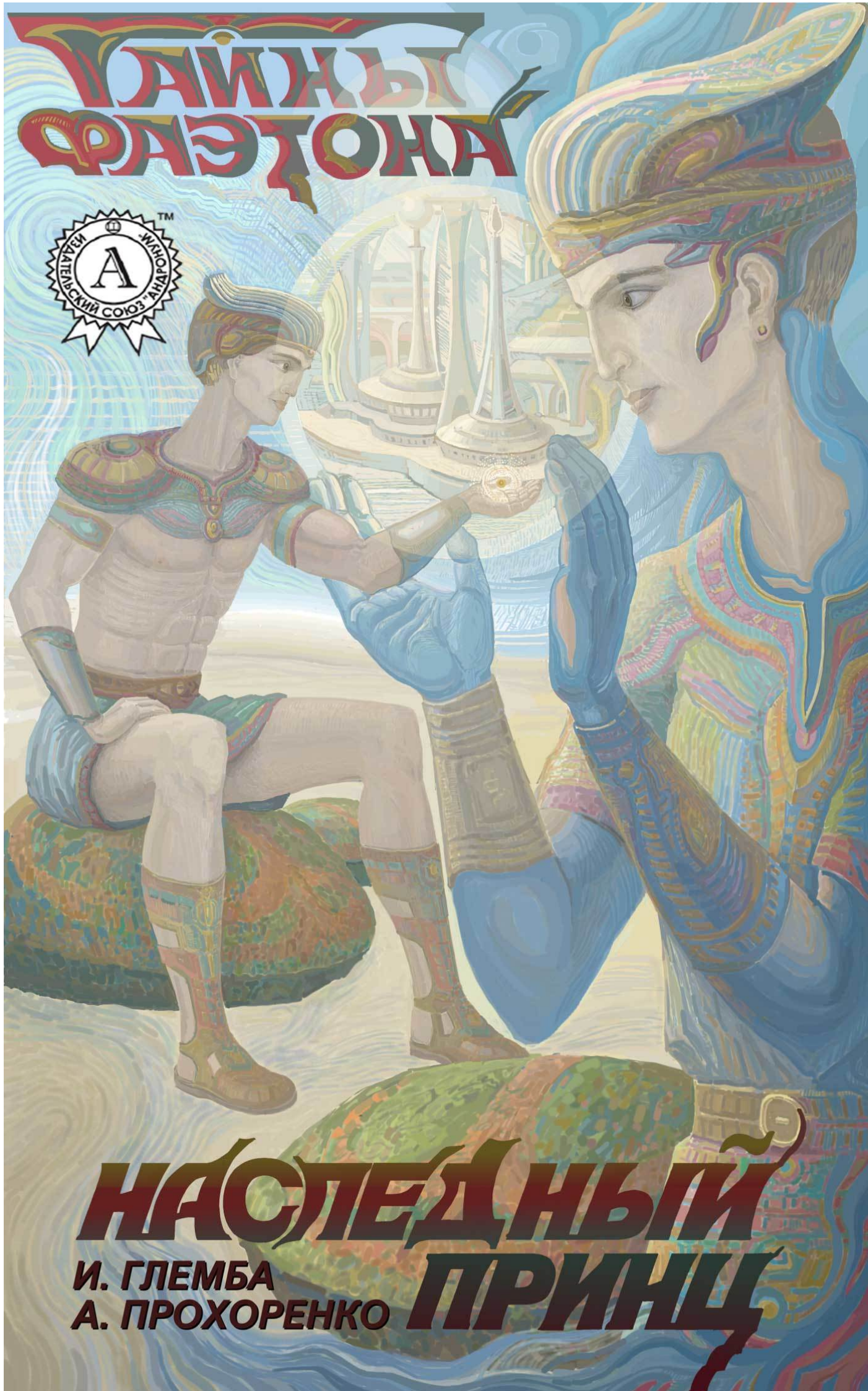

ТАМЖЫ РАЭТОНА

НАСЛЕДНЫЙ ПРИНЦ

И. ГЛЕМБА

А. ПРОХОРЕНКО

Тайны Фаэтона

Андрей Прохоренко

Наследный принц

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Прохоренко А.

Наследный принц / А. Прохоренко — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Тайны Фазтона)

Планета Фазтон (Лазс) в преддверии глобальных перемен около одного миллиарда пятисот восьмидесяти миллионов лет до нынешнего времени. Тэатан, сын правителя, ведет разгульный образ жизни. К шестидесяти двум годам он становится почти ни на что не способным фазтонцем, но с амбициями и поведением наследного принца. Предыдущая жизнь принца заканчивается, когда отец решает преподать сыну жесткий урок, чтобы использовать его для осуществления замысла им реализуемого. О Фазтоне и о положении дел на нем, о жизненных уроках, первых шагах к выздоровлению и обретению принцем самого себя под руководством учителя и друга, чтобы в короткий срок стать воином, поведаёт Аэлс (Тэатан) в книге «Наследный принц» из серии «Тайны Фазтона».

© Прохоренко А.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	6
Глава 2	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

И.П. Глемба, А.Г. Прохоренко

Наследный принц

Предисловие

О Фаэтоне, таинственной планете, якобы вращавшейся вокруг Солнца по орбите между Марсом и Юпитером, на самом деле мало что известно. Единственное, что не подвергается сомнению – гибель планеты, которая рассыпалась на куски в силу неизвестных людям причин. Пояс астероидов, находящийся между орбитами Марса и Юпитера, считают обломками Фаэтона, а о катастрофе в нашей солнечной системе намекает в искаженном виде древнегреческий миф о гибели Фаэтона, сына Гелиоса. Но миф, остается мифом.

Чтобы приоткрыть покров тайны о планете Фаэтон (Лаэс), авторы представляют читателю книгу, написанную на основании записок одной из ведущих личностей, Аэlsa Ту Обинро, проживавшего на этой планете примерно за 92 миллиона лет до ее гибели и делавшего все от него зависящее, чтобы не допустить катастрофы.

В соответствии с информацией Аэlsa планетарное тело Фаэтона прекратило существование примерно полтора миллиарда лет назад, после чего потребовалась очередная коррекция орбит планетарных тел в солнечной системе.

Фаэтонцы были наследниками безотходных и экологически чистых родинайских технологий, но пришло время и на смену чистым технологиям стали приходить «черные», а также начал самым активным образом разрабатываться нетронутый до этого природный ресурс планеты, что и привело к быстрой гибели цивилизаций и планеты.

Сообщим, что лаэсалы (так сами себя называли жители Фаэтона) имели такое же физическое тело, как люди, но ростом были выше нас примерно в полтора раза. Фаэтонцы отличались от людей немного больше вытянутым сзади черепом, высоким лбом, прямым с горбинкой носом, большими глазами и некоторыми другими незначительными особенностями.

Лаэсалы, владея знаниями и технологиями, модифицировали и совершенствовали свою расу. Продолжительность существования цивилизаций на Фаэтоне с периодами, когда планета «отдыхала» от присутствия на ней высокоразвитых прямоходящих существ, исчислялась примерно девятыстами миллионами лет.

Авторы всего лишь перевели на понятный землянам язык историю Аэlsa Ту Обинро (Тэатана Вуча Хинта) – наследного принца одного из самых крупных ацалов (государств), который начинает рассказывать о планете, ее жителях и о себе с момента, когда в возрасте шестидесяти двух лет в его жизни произошел крутой поворот. Аэлсу есть, что сказать землянам с высоты прожитых в одном физическом теле более пяти тысяч лет в пересчете на земное летоисчисление.

Надеемся, что рассказ Аэlsa побудит читателя задуматься о причинах происходящего в наше время на Земле.

Предложения, замечания, отзывы, вопросы, возникшие после прочтения книги, можно направлять по адресу prohor38@ukr.net

Глава 1

Крутой поворот судьбы

Неслышно бежит время, его течение неизменно и позволяет нам, лаэсалам, увидеть себя в его зеркале. Детство, юность, взросление, любовь, рождение детей и вся жизнь проходит передо мной.

Что хочется сказать, начиная рассказ? Мы, лаэсалы, были такими же, как и вы, земляне, несмотря на то, что я буду вести рассказ о Фазтоне и жизни на нем за полтора миллиарда лет от времени, когда земляне познакомятся с моими записками.

Земляне, вы – плод усилий наших потомков. Первые физические тела прямоходящих существ для проживания на Земле будут разработаны и выращены фазтонцами, которые поселятся на Фалее (Луне) и на Ноэле (Марсе), на других планетах, имен которых вы не будете знать.

Ум, разум, сознание и интеллект, сопровождаемые вашей волей, пронизав пространство и время, позволят вам, земляне, увидеть сокровище и услышать слова, обращенные к вам, поступь времени и его дыхание.

Аэлс Ту Обинро

В преддверии тревожных и апокалипсических событий я, Аэлс Ту Обинро, пишу записки о том, что же на самом деле произошло с моей Родиной – Лаэсом (Фазтоном). Историю моей жизни на этой планете я – последний мастер, избранный Советом на должность уджина – Верховного Мастера Фазтона, излагаю в своих записках строго в соответствии с тем, что и как происходило. Уточняю все «белые пятна» и заново записываю на скрижалях для потомков знаками информацию, привожу видеоизображения событий, пережитых лаэсалами (жителями Фазтона) за сотни миллионов лет существования на планете.

Много сил отдано для того, чтобы не допустить уничтожения Фазтона, поскольку есть то, что преодолеть мастерам и всем жителям Фазтона пока не под силу. Состояние духа, а также более плотных слоев Фазтона постоянно ухудшается. Дух и более плотные энергии, чем дальше, тем все больше подвергаются окаменению, гниению и внутренней коррозии, что тем ли иным образом отображается на стихиях, животном и растительном мире планеты. Не помогает ничто из энергий, средств и методов, которые мы применяем. Впору задуматься о другом месте для жизни наших близких и далеких потомков, но перед тем, как готовить его, необходимо сделать все от нас зависящее, чтобы стабилизировать ситуацию.

Совет мастеров планеты и ведущие государства, образованные нашими далекими предками, пришедшими сюда с планеты Родинай, давно уже не контролируют все пространства, материи, воздушный и водный ресурсы планеты. Лучшие представители лаэсалов шаг за шагом проигрывают битву за ресурсы силам, которые на нашей же базе смогли не только развиваться, но и все более упрочивают свое положение. Речь идет о дэалигах – расе, образовавшейся скрещиванием лаэсалов и пришельцев со звездной системы Ориона, куда входят представители цивилизаций, паразитирующих на наших достижениях, возможностях и способностях, но – даже не это является основной бедой Фазтона.

Предательство и измена, идеология прожигания жизни и быстрой растраты ресурса планеты становится все более популярной у юных отпрысков из самых лучших семей и родов. Дети Первых Мастеров с легкостью изменяют родителям и становятся вэйшами – отступниками, уходят на территории, контролируемые дэалигами и их вождями. Там им разрешено делать все, что они хотят, в особенности применять свои способности для развлече-

ния и пустого хвастовства. Трата сил ослабляет лаэсалов. В наших родах все меньше единства и все больше подверженности наступлению чийны, темной энергии, пронизывающей нашу жизнь.

Руководство захватом темных энергий Фаэтона и всего ресурса планеты, в том числе и лаэсалов, ведут онги. Так мы называем магов – сущностей, которые управляют приходом темных и черно-плазменных энергий от тончайших слоев духа до самого плотного, физического плана. Онги привлекают темные энергии посредством магической деятельности и делают все, чтобы лаэсалы полностью стали под их контроль. Мы сопротивляемся, как можем, но сопротивление конечно. Нет энергий, способных остановить наступление марка, тьмы и хаоса. Надеюсь, что на источники, которые нам помогут отстоять свободу, мы еще сможем выйти.

Внешне у нас дела до некоторых пор шли и продолжают идти даже благополучно, но так происходит только для тех, кто не видит и не хочет видеть истинной сути вещей, пребывает в иллюзии относительно счастливого существования, которого, впрочем, давно нет. Совет планеты давно не един в своих решениях и разобщен. Мастера, преследуя личные интересы, тянут одеяло каждый на себя, заявляя о своих претензиях на ведущую роль в Совете. Мало кто из них удосуживается без иллюзий посмотреть на наше не такое уже и далекое будущее. Голоса же мастеров, видящих исход, почему-то не слышны и умолкают в хоре непонимания и эйфории.

«Этл воа тол ит саора веон карай мэхн ани аонул юшан чиалн (все хорошо вокруг, пока светят солнца, а наши установки направляют и распределяют силу и энергию по планете, обеспечивая жизнь и процветание). Все хорошо, не стоит драматизировать ситуацию», – так, как будто говоря заклинание, утверждают иллюзию фаэны – мастера, отошедшие от традиций и не слышащие заветы предков. Часть из них вот-вот станет онгами.

Мы уже и давно воюем друг с другом за ресурс планеты и за лучшие места обитания на ней, а также за силу, за обладание ею. Война с небольшими перерывами идет на планете миллионы лет. Она принимает разные формы, иногда на некоторое время замирает, чтобы вслед за этим начаться вновь.

Меняются конфигурации континентов и местоположение воздушных, наземных и подводных городов и поселений, но неизменной остается страсть одних к захвату того, что есть у других. Разбой и обнищание все больше становятся нормой в нашем мире. Энергии силы все меньше принадлежат тем, кто их вырабатывает. Дух слабеет, слабеет и сознание личностей. Происходит еще рождение в наших рядах воцеллов – выдающихся личностей, но и они все больше становятся подвластны онгам, незримому программированию и управлению на расстоянии в своих действиях и поступках.

Не так давно, еще каких-нибудь двести миллионов лет тому назад, когда на Родинае существовали атахи – мастера, контролировавшие процессы управления силой светил, их излучением, как силой мысли, так и за счет технических достижений, на Фаэтоне, как на одной из самых перспективных планет содружества, существовали более благоприятные условия для проживания. Ныне на Фаэтоне, после междоусобиц и войн, положение изменилось. За мастерами соответствующего уровня охотятся, как за дичью, ставя под контроль и заставляя, так или иначе, выполнять задания и поручения представителей сил хаоса и тьмы, тех же магов.

Ухудшение положения дел в космосе стало следствием проигрыша воплощений духа в межвселенской войне, разыгравшейся примерно триста миллиардов лет назад в районе созвездий Большой и Малой Медведиц, Полярной звезды и окружающего их пространства. Сообщество Первых Мастеров, существовавшее на указанных выше созвездиях, распалось, но некоторые мастера, унаследовав технические достижения предков, соединенные со спо-

способностями и силой, еще проявлявшейся у них, смогли продолжить начатое дело. Их трудами были созданы и подготовлены для жизни высокоразвитых существ тысячи планет.

Проект подготовки планет назывался Ихисл, что буквально означало: учитывающий все. Необозримые пространства мирозданий, вселенных и галактик были поделены между потомками первых мастеров. Каждый из них получил в наследство подходящее поле для деятельности. Задачей мастеров стала подготовка тонких планов планет и звезд, а также физического плана для того, чтобы отразить непрекращающееся проникновение в дух энергий тьмы, хаоса и марка. Сделать так, чтобы на физическом плане планет в физических телах не распространялись нисходящие процессы, а сознание, ум, разум, интеллект и психика были как можно меньше подвержены инволюции.

Стояла задача полностью прекратить инволюционные изменения в энергиях самого плотного, физического плана, сделать его неподвластным инволюционным процессам и медленно протекающей деградации, но ее не удалось решить. Мы, далекие потомки предков, которые давным-давно покинули насиженные места, не можем и сотой части того, что могли они, но не все еще потеряно.

Достойно удивления и поощрения одновременно то, что иногда еще в лучших из нас проявляется то творящее и самотворящее начало, та первичная воля, которые позволяют многое решить и сделать как для себя, так и для будущих поколений. Пока еще некоторым лаэсалам удастся отодвинуть мрачные и темные времена, когда силы хаоса и тьмы полностью захватят наше мироздание, в том числе и место нашей теперешней жизни – солнечную систему и ее окрестности. Таковы вкратце сложившиеся реалии.

Кто будет лучом надежды, который рассеет туман сгущающихся сумерек? Вот в чем вопрос. Кто сможет отдалить, а возможно, и вовсе изменить исход? Такой лаэсал уже родился, но этого критично мало для того, чтобы изменить предопределение. Необходимо еще, чтобы он, выучившись и не предав внутри себя, получил должную огранку и не сломался, как было со многими, а только усилился в своих действиях и утвердился в правильности избранного пути. Искать избранного – опасно, а найти – значит столкнуться с темным предопределением, которое в отношении него организовали онги.

Суть магов не меняется, чтобы они не говорили, и как бы себя не позиционировали, прикрываясь теми или иными словами. Самое большое искусство для онгов даже не магическая работа, а магия без магии, когда выбранный ими объект, сам не зная почему, поступает так, как им необходимо, а они при этом не прикладывают никаких или почти что никаких усилий. Это и называется магическим предопределением.

Нужна немалая сила, а главное, воля, чтобы не попасть в расставленную ловушку, не сойти с пути и не поддаться соблазнам. А что делать тогда, когда все происходит или уже произошло? «Что можешь и что знаешь», – такой ответ на него. Но, что в действительности ты знаешь, и на что обрекает себя тот, кто поступает таким образом? Сказать, что на проблемы, не сказать ничего. Тем не менее, такие смельчаки среди лаэсалов еще находятся.

Под конец жизни, когда до расставания ума, разума и сознания с физическим телом остается не так уже и много времени, всегда находится немало забот и дел, которые надо успеть осуществить в положенный срок. Я, воцелл (мастер) Аэлс Ту Обинро, в молодости Тэатан Вуч Хинт, не исключение из правила, хотя задачу, которую себе поставил давно, начал решать заблаговременно, за двести лет до расставания с физическим телом.

Для того чтобы изложить последовательно самые интересные моменты моей жизни, пришлось потрудиться основательно. Я и не думал, что эта работа будет одновременно такой сложной, важной и интересной для меня. Ведь по мере того, как я обращался к истории своей жизни, она и я предстали передо мной совершенно в ином свете. Во многом я, что называется, сам себя нашел заново, многое открыл и увидел из того, что было мне недоступно и скрыто от взора.

Опыт проживания, что ни говори, – великое дело, если он чист и преобразован в кристалл. Тогда все самое лучшее является наградой для личности, которая обобщила и преобразовала его. В таком случае нет никакого смысла в дальнейших воплощениях, разве что послужить питанием для сил, для которых дух и его воплощения – не более чем пища и расходный материал. Не могу сказать, что всего достиг, но, родившись в семье правителя Сихтэи и будучи урчаем (наследным принцем), я неоднократно изменил судьбу и предопределение, довлеющее надо мной. В принципе, я вообще не должен был прожить больше ста лет, но уже прошло пятое тысячелетие, а я пока еще ношу, как одежду, физическое тело. Его груз все больше давит на меня, несмотря на принимаемые меры по облегчению существования.

Слишком многое еще удерживает меня на Лаэсе, в частности и завершающие части записок, которые я почти закончил. Осталась самая главная и важная работа: довести их до логического завершения, огранить и отшлифовать труд, прежде чем записать его для потомков. Эта филигранная работа требует времени, сил, но, главное, чутья и понимания, а также углубленного и расширенного видения. Без упомянутых качеств и способностей сделать ее на должном уровне невозможно. Приходится попутно нарабатывать необходимое, чтобы довести начатое дело до конца.

Наибольшая сложность заключается именно в достойном и полном завершении труда, который преобразуют в будущем на Земле в книги. Предложенного мной потомкам материала хватит на издание десятков книг. Жизнь-то была у меня продолжительная, но для понимания ситуации на Фаэтоне будет вполне достаточно и четырех-пяти книг. Поэтому с особым тщанием я прорабатываю именно первые двенадцать книг.

В данном случае является важным, как мне кажется, повествовать одновременно полно и кратко. Это сложно сочетать, поскольку необходимы некоторые пояснения для землян. Зачастую чрезмерное желание что-то разъяснить подводит меня. Поэтому я делаю строже отбор или заново переписываю страницы рассказа. Хуже всего, когда есть что сказать, но материала так много, что одни страницы спорят с другими, а информация не организована должным образом. В результате приходится многое обобщать и сочетать более естественно и гармонично. Это удлиняет работу, но иного пути и выхода нет. Коли взялся за дело, надо его довести до конца, причем так, чтобы твой труд нравился в первую очередь тебе самому.

Что же касается людей, которые первыми познакомятся с повестью, оставленной мной, им я доверяю уточнить некоторые моменты, перевести на знакомый им язык названия некоторых местностей, имена, понятия и все то, что непривычно землянам, с чем они не знакомы и не сталкивались. Кроме них больше переводчиков, которые на должном уровне могли бы воспринять сказанное мной, нет, и не предвидится. С другой стороны, еще в ком-то и нет необходимости. Каждый, выполняя дело, за которое взялся, проходит свой путь. Я завершаю его. Землянам, которые услышат меня, еще предстоит со многими столкнуться и познакомиться.

О Лаэсе, где я родился и прожил насыщенную событиями жизнь, земляне ничего не будут знать, кроме домыслов и предположений. Потомки даже не будут предполагать, что до них в солнечной системе существовала относительно высокоразвитая цивилизация, обладающая технологиями, которые позволяют вообще не затрагивать природный ресурс, организовывать проживание так, что все отходы перерабатываются, а не загрязняют природу. Безотходные технологии проживания были нормой и само собой разумеющимся явлением и положением дел на Лаэсе. Свод правил и законов Лючина, который принял Совет Фаэтона, прямо говорил, что в обязательном порядке восемьдесят процентов всей суши и девяносто процентов всей водной глади ни при каких условиях не могут быть использованы для окультуривания и создания в них искусственных условий.

Мне довелось родиться и жить в условиях, когда к своду законов Лючина были приняты поправки, расширяющие область окультуривания до пятидесяти процентов всей суши. А это означало только лишь одно: войну с илахоцами (обобщенное название представителей лесных племен, населяющих пилг (девственный тропический лес)) и интами – жителями Фазтона, придерживающимися законов свободы и изначального равенства. Поправки к своду законов Лючина были приняты, когда мне исполнилось шестьдесят пять лет. До этого мой отец – правитель Сихтэи – делал все для того, чтобы убедить Совет Фазтона в необходимости такого шага. И поправки ему, в конечном счете, удалось провести. Без подкупа и предательства не обошлось, но это, как будут говорить на Земле, всего лишь детали, так, мелкие штрихи к портрету.

«Цель оправдывает средства. Остальное – не в счет. Только глупец, – не раз говорил мне отец, – соблюдает законы. Правитель же сам устанавливает закон и находит, когда надо, способы для того, чтобы его обойти или написать таким, каким он нужен, или отменить».

Мой отец – Вахутирн Идн Маоротай – вне сомнения был судьбоносной фигурой и едва ли не самым жестким и последовательным правителем с замашками тирана. Он имел талант к правлению и поэтому уже более двухсот лет с перерывами был единовластным правителем Сихтэи. За это время отец расширил территорию ацала (государства) в три раза, присоединил к Сихтэе ряд областей, заключил союз с правителями, которые точно также ненавидели интов и желали искоренить это явление с Фазтона, как и он. Не нужны были Вахутирну даже относительно свободные существа на планете. В них отец и его союзники видели опасность для своего правления и законов, которые они устанавливали. Войны с интами были обычным и само собой разумеющимся явлением. Не было лет, когда они в той или иной степени не велись.

Правда и то, что интов защищал пилг, который был для них домом. Справиться с ними в девственном лесу не представлялось возможным, пока лес заповеден. Надо было снять запрет, разделить лес на зоны, а уже потом изгнать из вновь образованных зон илахоцев для того, чтобы на отвоеванной у пилга территории образовать ильены (окультуренные территории). Новые области должны были войти в состав Сихтэи. Некоторые из них должны были перейти временно на несколько лет в собственность корпораций, учрежденных властью имущими лицами. Крупнейшую из таких корпораций, Вуфрайн, образовал Вахутирн. Возглавлял ее один из ставленников отца. Также ведущие корпорации были образованы чеиками, этой секретной и тайной службой, которая поддерживала в Сихтэе порядок, необходимый отцу, отмечая и контролируя любые волеизъявления.

Чеики были мощной организацией, которая вела свою деятельность не только на территории Сихтэи под прикрытием и без него. В состав организации входили десятки тысяч лиц, в том числе и шулов – секретных агентов, которые расправлялись с неугодными проверенными методами, демонстрируя действенность основного правила: нет лаэсала – нет проблемы. Везло тем, кого они убивали. Особенно, если смерть наступала быстро и незаметно, к примеру, от сердечной недостаточности или во сне и классифицировалась, как несчастный случай. В таком случае то и придраться было не к чему. Шулы знали свое дело и были безнаказанны. Агенты проникли во все сферы жизни в Сихтэе, были внедрены во все слои общества, имели своих информаторов и знали обо всем, позволяя, тем не менее, процветать пороку. Еще бы, ведь это было выгодно и не только им.

Вахутирн и сам вышел из среды чеиков. Он некоторое время работал главой одного из департаментов, но потом сменил профиль деятельности, все-таки, как-никак, отец был выходцем из знатного рода потомственных правителей, который вел родословную еще от воцелла Дуны. А Дуна был почитаемым лицом на Фазтоне. Он, по сути, пять миллионов лет назад выступил едва ли не родоначальником и новой расы, и цивилизации, которая вновь, после длительной паузы, возникла на Фазтоне.

Дуна, собственно, и утвердил свод положений, законов и правил Лючина, в соответствии с которым до сих пор жили лаэсалы, не отступая от него. В своде, за нарушение основных его положений, предусматривалась быстрая смерть ослушникам. Еще более опасным для правящей элиты, а ею был класс эгов, было то, что не было разницы в том, кто нарушал законы.

Нидарга (правителя области) или даже правителя такого ачала, как Сихтэя, могли запросто схватить и, не особо разбираясь, если нарушения были налицо, лишить жизни. Причем допускался даже, если нарушение было кричащим, чуть ли не самосуд. Жители, объединившись, могли отловить нарушителя и привести приговор в исполнение. Суд в данном случае был больше народным.

Ничто так не объединяло представителей разных цейсов (каст), как возможность совершить правосудие. В таком случае утверждалось равноправие перед лицом закона. Многие нуйги (представители низших классов) чувствовали тогда свое равенство эгам и даже правителям. Совет Фазтона, выступавший в данном случае курирующим и, одновременно, верховным органом планеты, был к нарушителям свода беспощаден, поскольку в него входили в своем большинстве воцеллы и валбы (фаэтонцы, владеющие силой и способностями, выступающие за равенство всех классов и групп населения).

Сложность ситуации на Фазтоне состояла еще и в том, что на нем существовали одновременно три основных цивилизации. Одна из них, к которой принадлежал и я, населяла сушу. Сухопутных жителей Фазтона еще называли олвами. Это название дали нам флаэты – морские и океанские жители. Их домом были моря и единое водное пространство Мировой океан – Идвий. Агломерации флаэтов, как правило, находились под водой на небольшой глубине, но спускались и в океанские глубины.

Технологии, позволявшие структурировать воду, позволяли по своему усмотрению чередовать водную толщу на глубине с воздухом. Поэтому управление водой давало возможность построения в ее толще воздушных коридоров любой формы и вида, любых внутренних пространств, заполненных воздухом. Кроме жилищ под водой флаэты также селились на карсах – специальных платформах, которые служили такими плавучими островами.

К олвам и флаэтам надо еще добавить не только илахоцев – этих представителей самых разнообразных племен, существовавших в пилге, находящихся на разных ступенях развития и пользования технологиями, но и хауморов или хаумов. Это сообщество, выделенное в отдельную цивилизацию, существовало в воздухе, проживая на нсаих – отдельных платформах, служившим домом для тысяч хаумов. Конечно же, хаумы жили и на земле, но большинство из них эксплуатировало способности к полетам и свойства траниума – материала, который, находясь под землей, изменял гравитацию. Нсаи были сборными платформами. Часть платформ изготавливалось из обработанного траниума, а также снабжалась на всякий случай антигравитационными приспособлениями, что делало платформу управляемой.

Хаумы не жили в Сихтэе. Точнее, нсаи, на которых они проживали, не располагались над ее территорией. Нсаи, как правило, зависали над природными зонами и были связаны с ними невидимыми нитями. А сами хаумы жили отдельно и дистанцировались от таких правителей, как Вахутирн и сходных с ним сэдаров – правителей, ратовавших за новое мироустройство, при котором у них в руках будет вся полнота власти, а свод Лючина утратит силу.

Отмечу сразу, что представители всех трех цивилизаций держались отдельно и были представлены на Совете Фазтона в примерно равном количестве. Сухопутные фаэтонцы при этом имели преимущество. Все-таки их было чуть больше, чем водных и воздушных жителей планеты. Эта особенность Фазтона являлась визитной карточкой планеты, ее отличительной чертой.

Я не говорю о самых разных культурах, существовавших на суше в природной зоне. Некоторые воцеллы отличали даже среди олвов пять совершенно разных цивилизаций. Но

я не буду утомлять землян их перечислением и краткой характеристикой. По мере рассказа будет вырисовываться и проясняться общая картина сосуществования самых разных культур, цивилизаций и этнических групп.

Дело в том, что мне за продолжительную жизнь пришлось прожить достаточно долгое время среди представителей всех упомянутых рас и народностей. Я смог в своей особе объединить опыт проживания и олвов, и флаэтов, и хаумов. В какой-то мере я синтезировал свою личность к тому времени, когда принялся за составление записок. Это была одна из задач, которую я решил на определенном промежутке времени, будучи уже воцеллом, а впоследствии взойдя и на самую высокую ступень мастера.

Мне удалось под конец жизни стать уджаем – Верховным Мастером Фазтона и долгое время возглавлять Совет Фазтона. За время того, как я с перерывами был председателем Совета, на Фазтоне почти полторы тысячи лет не было серьезных войн, а взаимоотношения между отдельными народами, расами и цивилизациями наладились. Мне бы радоваться, но это, как я все отчетливее вижу с высоты прожитых лет, – всего лишь иллюзия.

Уже сто двадцать лет, как я передал пост преемнику, чтобы заняться еще более важными вопросами, но, несмотря на это, я сохраняю влияние на принятие Советом основных решений. Воцелл Иогай – мой ученик – советуется со мной, видит во мне своего учителя, хотя я им не являюсь, но лучше так, чем по-другому. Во всяком случае, пока еще можно повлиять на принятие решений, что немаловажно в сложившейся ситуации. Ведь врагов у меня всегда хватало. Никуда они не делись и теперь, когда я сменил профиль деятельности.

Про покушения на свою скромную особу я не упоминаю. Их были даже не тысячи на протяжении пяти с половиной тысяч лет. Гибли и не раз, мои двойники и точные генетические копии, сам я едва выживал, долгое время, речь идет о столетиях, я переживал и не высовывался, но приходило время и снова, как прежде, заявлял о себе, чтобы отвести планету и цивилизации, живущие на ней, от гибели. Я добровольно взял на себя выполнение этой задачи. На разных этапах жизни у меня были помощники в ее выполнении из числа представителей самых разных сил.

Хуже всего, когда бывшие друзья становятся врагами и начинают против тебя активно работать, а враги – чуть ли не друзьями, точнее, временными союзниками. Тебя же в таком случае считают, чуть ли не отступником от прежних законов, нарушителем прав и свобод, вешают самые разнообразные ярлыки и, прикрываясь ими, пытаются очернить или лишить жизни.

Мне на своем веку довелось повидать многое, избавиться от тяжелого наследия, которое я получил, родившись в семье правителя Сихтэи. Мое рождение в семье тэкварга было не случайным, о чем я упомяну в дальнейшем.

О моем отце, как мне видится, надо сказать пару слов отдельно, чтобы у потомков не сложилось превратного или искаженного видения лаэсала, давшего жизнь ребенку, к которому затем подключили дух и тонкие тела одного из воцеллов, еще недавно бывшего поэтом – ведущей личностью Фазтона. Такое действо провели онги, желающие решить за счет наследника вопросы, которые не мог по причине отсутствия способностей решить Вахутирн, жаждавший не только расширить границы асала, но и создать Саотэй – единую империю, которая бы доминировала бы на Фазтоне, вобрав в себя другие асалы. Этому делу отец посвятил всю жизнь, ставя под свой контроль соседние асалы, захватывая их или договариваясь с местными уцахми (правителями). Дело спорилось, несмотря на трудности. Соседи с недовольством вначале, но потом с все большим приятием признавали силу и способности Вахутирна, умеющего решать проблемы.

Все бы ничего, но с чем не мог справиться отец за долгое время правления – так это с интами и валбами, а также с правлением в некоторых асалах, расположенных на территории пилга, воцеллов. Правители-мастера, их называли цалигами – вот наибольшее зло,

которое задевало отца и побуждало его предпринимать все от него зависящее, чтобы решить вопросы. С цалигами и их помощниками отец вел постоянную и не прекращающуюся ни днем, ни ночью, ни на минуту или секунду, войну беспощадную и бескомпромиссную, в которой все методы и средства были хороши для получения конечного результата: уничтожения цалигов и ацалов, расположенных в природных зонах. Само по себе наличие ацалов в пилге было нарушением свода Лючина, но проблема заключалась в том, что представители илахоцев на Совете, все, как один, выступали за наличие на их территории подобных образований.

Еще бы, цалиги помогали илахоцам, делали все для того, чтобы помочь лесным племенам в борьбе за территории и свою свободу, а это вписывалось в свод Лючина, тем более что ресурсы пилга и полезные ископаемые не разрабатывались. И что тут делать, когда совладать с врагом не так-то и просто? Вахутирн вынужден был потворствовать чеикам и шулам, делать все для того, чтобы служба Коцай усиливалась, что в свою очередь стало доставлять отцу все большие неприятности. В пилг забрасывались агенты, которые, действуя в нем, устраняли врагов Вахутирна. Особенно это касалось ацалов, которыми правили цалиги. Самым злейшим и коварным, как считал отец, был его личный враг – Игул, который владел необычайными способностями оставаться в живых тогда, когда, казалось, деваться ему было некуда, кроме как умереть.

При слове Игул у отца, бывало, что сводило судорогой лицо, настолько ненавистным было ему одно упоминание о воцелле. Не так давно, всего каких-нибудь двести лет назад до моего рождения, Вахутирн разобрался не без труда с Эосаем, который противостоял ему. Эосай, как считалось, погиб при загадочных обстоятельствах, но, как, опять-таки, считал Вахутирн, зло подшутил над ним, воспитав целую плеяду учеников и помощников. Одним из них и был непотопляемый Игул. Сколько агентов удобрили своими телами почву в пилге и в катре Ваицилн – городе, где правил Игул, Вахутирн давно потерял счет. Гибли, пропадали без вести, что еще хуже, переходили на сторону интов, лучшие агенты. Игул, словно, смеялся над Вахутирном, глядя на его неумелые попытки устранить его, а недостатку агентов надо было как-то покрывать.

В среднем агента готовили пять-шесть лет далеко не с нуля, но пилг есть пилг. Требовалось лет десять, а то и двенадцать подготовки, чтобы, вжившись в новую среду, не привлекать к себе внимания контрслужб, а в катре Ваицилн и в ацале Дзиаке, столицей которого был катр (дословно крупный город, стоящий на платформе среди девственного леса) они действовали эффективно. Задержаний шулов насчитывались сотни только в последние пять лет до момента, когда отец решил меня перевоспитать и круто изменить судьбу. К тому же в тот год, когда моя жизнь приняла совершенно другой оборот, в Ваицильне была раскрыта сеть агентов. Игул, его помощник, глава контрразведки Цус, валбы Ихулот и Ониус с помощниками, по сути, очистили Дзиака от шулов, произведя несколько десятков арестов и задержаний, что осложнило войну, которую вели отец и союзные ему правители против интов.

Здесь надо немного подробнее пояснить, кто же на самом деле были эти инты. А были ими по большей части беглые жители из Сихтэи и соседних с ней ацалов, которым надоело жить по правилам, предусматривавшим их нищенское и подчиненное положение. По большей части инты принадлежали к низшим кастам, но не все было так однозначно. Среди них были и оши (интеллектуалы-разработчики), и грицархи (воины), даже бывшие агенты, также торговцы-контрабандисты, и, конечно же, цуалы (фаэтонцы, занимающиеся развитием силы и силовых способностей).

Жизнь свободная и вольная, проходившая не по драконовским законам, а в соответствии со сводом Лючина, пусть и короткая, была уделом этих лазсалов, не боявшихся никого и не признававших над собой ничьей власти. Тем не менее, инты были дисциплинированы, боевиты, отлично подготовлены, как для условий ведения войны в пилге, где они знали каж-

дый кусочек территории, и, что самое главное, четко выполняли приказы командиров, а ими становились проверенные в боях и стычках удачливые воины.

Большинство интов были привержены силе. Занимаясь собой, они развивали самые разные силовые способности. Таких интов, как я уже говорил, называли валбами. Традиции силовых искусств сильны были и в Сихтэе. Их носителями выступали цуалы и лацелты. Если цуалы больше занимались развитием и становлением внутренней силы, то лацелты занимались больше атлетизмом и подготовкой физического тела для разного рода и вида нагрузок, в том числе и психических. Делалось это с целью обретения самых разных силовых способностей, а именно: для передвижения предметов, парения в воздухе без специальных средств, телепортации, обезвешивания предметов и многого другого, что станет понятным из дальнейшего рассказа. Иной раз трудно было определить валб перед тобой или цуал, приверженный Вахутирну и порядкам, установленным в Сихтэе. С подозрением в Фазе – столице Сихтэе, относились ко всем силовикам. Тем не менее, их способ жизни и успехи были ориентиром для многих жителей ачала.

Я же до возраста шестидесяти двух лет, пока отец всерьез не решил взяться за меня, не был привержен давним традициям, хотя, как уверяли меня не только отец, но и его сыновья от других браков, в нашем роду рождались потомственные цуалы. Вот только я в их число не входил... Ленив был и тяготел к праздному и вольготному проживанию, транжирил жизнь и расслаблялся в рядах исуэнов (золотой молодежи). Попойки, кутежи, гулянки, порой откровенный порок, другие развлечения – вот, что было основной сферой моей деятельности. Я рано вкусил запретных плодов и пустился, как будет принято говорить у землян, «во все тяжкие» с тем, чтобы прояснить для себя, а что же такое жизнь. Другой жизни у меня не было. Все-таки я был потомком славного рода, старшим сыном самой молодой жены Вахутирна – Кэи. На ней отец женился по любви, точнее, так он называл чувство, которое испытывал к молодой девушке, младшей его почти на полторы сотни лет.

Да, земляне, такая разница в возрасте не была на Фазтоне чем-то необычным. Встречались пары, которые жили вместе и с большей разницей в возрасте. Естественно, они принадлежали к высшему свету, касте эгов – аристократов, представляющих, как многие из них считали, самые благородные и именитые родословные. Тот беспорядок и вымышленные представления, не соответствующие реальному положению дел, которые были у меня в голове, можно назвать только одной фразой – тотальные хаос и иллюзия. Я был преисполнен чувства собственной важности, считал, что все вокруг только на основании того, что я сын Вахутирна, должны мне оказывать почести и уважение, трепетно относиться к моей особе. Кто этого не делал, заслуживал сурового наказания и порицания. К ним у меня не было снисхождения. Я считал даже некоторых представителей эгов лаэсалами второго сорта. Что тогда говорить о нуйгах? Они были грязью у моих ног, таким недоразумением на двух ногах, которому позволено было некоторое время отравлять дыханием воздух планеты.

Представители высших каст, к ним относились кроме эгов, элита чеиков, интеллектуалов, воинов, цуалов и руководства корпораций, жили в среднем две, реже и до трех тысяч лет. Все остальные лаэсалы из низших каст в Сихтэе едва доживали до пятисот лет. Для них даже такой срок казался достаточно продолжительным. А с другой стороны, как ответить на вопрос: зачем тебе долго жить, если ты не обеспечен всем необходимым? Смысла в прозябании и нищенском проживании нет. Лучше честно предаваться развлечениям, когда есть такая возможность, или продать часть своих энергий и органов и тихо умереть, или попытаться ярко прожить, отважившись на поступок, чем жить, как бесхребетная амеба. Так считал не только я, но и подавляющее большинство фазтонцев, которым «посчастливилось» родиться в низших цейсах. Многие от нищеты и безысходности отдавали себя на переделку или на разделку, когда из тебя делали биоробота или разбирали на органы.

Да, этот промысел был не очень-то и законен, но кто же обращает внимание на закон, когда можно заработать? Только те, кто не знает, как его обойти или у кого нет крыши среди чеиков или у других высокопоставленных лиц. Кто же «застрахован» и добровольно-принудительно отстегивает процент нужным лицам, тот перед законом чист, как слеза младенца, потому что умеет жить.

Такие порядки и законы были вполне нормальным явлением в Фаэе. Думаю, после приведенных подробностей не нужно лишний раз объяснять, почему многие лаэсалы сбегали в лес и становились интами. Там, как они говорили, не было над ними крыши чеиков, тайных обществ и мангисов – представителей службы порядка, которые так любили деньги, что вполне могли продать и родную мать, если она кому-то нужна и за это подобающим образом бы заплатили.

Земляне скажут, что подобное поведение аморально и недопустимо, но это только слова, которые всего лишь сотрясают воздух. Ничего личного – только бизнес и взаимная выгода. Думаю, земляне давно уже догадались, кто курировал и прикрывал торговцев наркотиками. Если нет, то скажу: конечно же чеики. Доблестные агенты имели очень неплохой навар от продажи зелья и препаратов самого разного вида и точно также честно при этом «боролись» с таким явлением, как наркомания.

Только на Фаэтоне, понятное дело, было больше разновидностей самых различных веществ и препаратов, чем это будет на Земле. Все-таки есть разница в развитости цивилизаций и в применении тех или иных технологий для получения нужного продукта, а он должен был «вставляться» так, чтобы нельзя было оторваться и вместе с тем, чтобы не так быстро индивид превращался в биомассу и в отработанный материал. Ведь на нем надо было кому-то заработать средства...

Почему так говорю и откуда знаю? Рано приобщился к сильнодействующим препаратам, да так, что несколько раз меня едва откачали врачи. Если бы не они, то я не дожил бы и до шестидесяти лет, ушел бы из жизни раньше, но по поручению отца за мной бдительно следили лучшие врачи, готовые в любую минуту прийти на помощь.

Я долго не мог понять причину такой избирательной отцовской любви к себе: с одной стороны, тебе не запрещают предаваться забавам и принимать наркотические препараты, с другой – не дают умереть. Впрочем, до определенного момента меня это совершенно не занимало. Я утратил вкус к жизни. Мне было неинтересно. Я точно знал с некоторого времени, что завтра также будут попойки и вечеринки, что меня, если что случится, подстрachуют. Поэтому своей жизнью и поведением я демонстрировал одно: протест против того, кем я есть и становлюсь.

До определенного времени я даже и не знал, что отец на меня имеет виды, что от момента рождения сына на меня составлен план, что мое пристрастие к наркотикам – только лишь часть плана-схемы, который должен был реализоваться в отношении меня к определенному возрасту. Когда сознание затемнено и замутнено, ты всего лишь играешь роль в чужой игре, умело или не очень, принимаешь инстинкты и то, что вложено в тебя, за собственные действия, а, по сути, не принадлежишь себе совсем и не имеешь собственную точку зрения на происходящее.

В общем, речь в моем случае шла даже не о личности, а о тени, о жалком подобии свободного лаэсала, который, разве что, не уподобляется животному, а на самом деле влачит жалчайшее, едва ли не амебообразное существование, лишь по внешнему виду напоминая прямоходящее существо.

И тут у землян, я думаю, возникнет совершенно обоснованный вопрос: а что, мой отец был чудовищем? Совсем нет. Он по-своему, исходя из того, что знал и умел, какой замысел реализовывал, каким видел мое будущее, даже любил меня, говоря сам себе, что надо набраться терпения и выдержки, чтобы в нужный момент ввести меня в игру. Поскольку, как

сказали придворные провидцы и советники, его сын, Тэатан, может оказать престолу величайшую услугу и наконец-то разобраться с ненавистными цалигами, но, главное, с Игулом. Правитель катра Ваицилн в очередной раз обставил отца после того, как была вскрыта сеть агентов, которые, кстати сказать, работали на месте не одно столетие. Благодаря этой мере последующее наступление на ацал Дзиах захлебнулось, а войска правителя Сихтэи потерпели едва ли не сокрушительное поражение.

Именно этому проигрышу и последующим событиям я обязан тем, что отец вспомнил обо мне. В соответствии с его представлениями и видением я, как воплощение воцелла, должен был сыграть ведущую роль в усмирении интов и уничтожении Игула и его ближайших помощников, поскольку Игул, воспользовавшись поражением войск противника, атаковал соседние ацалы, в которых правили союзные отцу сэдари. И, надо отметить, что наступление интов было в высшей степени удачным. Дело дошло даже до того, что один из полководцев Игула – Солла, взял столицу соседнего ацала. Его правитель в срочном порядке вынужден был бежать, а затем обратиться за помощью к Вахутирну, как к единственному гаранту порядка. И отцу ничего не оставалось, как повернуть войска и заняться войной с интами на территории соседних ацалов, что было делом, как вы понимаете, нелегким при условии поддержки интов местным населением.

Война затянулась. Потери обеих сторон впечатляли. Вахутирн в войне потерял почти пятую часть войска. Сказать, что отец негодовал и был расстроен – значит, ничего не сказать. Отец не был самодуром, но под горячую руку после поражения попали едва ли не все советники и помощники, а их штат при правителе насчитывал сорок восемь особ. Особенно досталось советникам из первой десятки. Им отец высказал все, что думает по поводу их и проигрыша, назвав вещи своими именами, а советников – бляющим сбродом парализованных страхом животных, к тому же дурно пахнущих. Тогда один из первых советников, некто Нагрих, напомнил отцу о том, что он имеет на руках козырь, который пора использовать в игре. Я, наследный принц, был этим козырем. И отец начал вразумлять меня самыми разными методами.

Вначале, в возрасте сорока восьми лет, я был отправлен в одну из областей вместе со своими закадычными друзьями для того, чтобы править и показать, на что способен, но так вышло, что, по сути, правили мои товарищи или кто-то еще. Я занимался привычным для меня делом: развлекался, как мог и умел, в чем и преуспел, да так, что чуть не лишился жизни. Влетело всем. Отец взъярился, на время отстранил друзей от моего тела, а мне пришлось проходить реабилитацию.

Три года я провел в закрытом заведении, со всех сторон окруженным пилгом вдали от цивилизации. Такая жизнь ужасно надоела мне. Не отрицаю, что я за годы, проведенные в лечебнице, восстановился, но лишь затем, чтобы вновь предаться кутежам, вернувшись в Фазю. Переделать меня, как я считал, уже было невозможно, но отцу было не впервые решать сложные, подчас на первый взгляд невозможные задачи. Поэтому-то он столь долгий срок все еще оставался правителем самого большого ацала на Фазтоне.

На Вахутирна были совершены сотни покушений, но единственное, чего добивались враги в лучшем случае, так это ликвидации двойников, бывших точными генетическими копиями отца. Сам отец жил так, как видел это для себя необходимым. Все же трудности, к ним я причисляю выступления, показательные поездки, встречи и мероприятия самого разного рода и вида, были уделом его копий. Вахутирн только лишь наблюдал за происходящим и давал ценные указания, что улучшить. К такой жизни, понятное дело, отец привык. Смыслом его существования, как я уже говорил, была власть и построение на Фазтоне единой империи, но больше всего отца прельщали комбинации, позволяющие достичь желанной цели. Я бы назвал это страстью и единственным настоящим смыслом его жизни. Все

остальное отступало на второй план перед всепоглощающим желанием обыграть противника, утвердить себя и распространить свою власть на все большие территории и народы.

С высоты прожитых лет я осознаю, что отец был давно и неизлечимо болен, поскольку был всего лишь механизмом, послушно выполняющим замысел приведения не только народов, но и положения дел на планете к определенному исходу. Сам себе отец давно не принадлежал, хотя речи его были разумны и проникновенны, а обыграть он мог кого угодно. Вот только с Игулом никак не получалось. Я же с некоторых пор заботил его тем, что мог помочь отцу справиться с давним врагом. Отцовская любовь и прочая мишура отступили прочь, когда дело касалось власти и доведения до конца дела, которому отец посвятил жизнь. Я же был разменной монетой, пластилином, из которого надлежало вылепить то, что следовало. Остальное значения не имело. Поэтому за меня взялись основательно, чтобы получить управляемое существо, послушно обязанное выполнить темное предопределение.

Кроме первых советников Вахутирн был окружен онгами, хоть и держал магов на расстоянии от себя. Тем не менее, будучи, по сути, одним из них, отец отличался тем, что сам ничего такого не совершал и ритуалов не проводил, но дело обстояло так, что все само и без этого шло к нему в руки. Рутинной работой должны были заниматься онги и варги (маги низшего разряда), но никак не повелители жизни. А отец причислял себя именно к таким лицам.

Когда мне исполнилось пятьдесят лет, в Сихтэе было введено обязательное почитание тэкварга (одно из распространенных названий правителя). Кто этого не делал – тот не занимал ведущих должностей, а в дальнейшем ставился чеиками и службой поддержания порядка на учет. Если он и далее проявлял свой крутой и буйный нрав, то его переводили в лагерь, где принудительно исправляли, вставляя в голову чипы и перепрограммируя личность. После этого из рук мастеров своего дела выходили послушные и уважительно относящиеся к тэкваргу существа, которыми легко было править и даже соблюдать во многом зарью (демократию).

Если тебе отключили способность мыслить и анализировать в результате манипуляций, записали в голову нужное программное сопровождение, то ты вполне вписывался в реноме примерного гражданина. Нет, конечно же, протесты были, но ими искусно управляли. Ведь зачем, по сути, протесты? Только лишь для того, чтобы выявить недовольных порядками жителей Сихтэи, а потом с ними разобраться, но не сразу, а постепенно, чтобы наказание не было похожим на расправу. При этом все и каждый недовольный знали, за что возмутителям спокойствия на голову сыплются неприятности. Поэтому, повторюсь, лучший исход для вольнодумцев был один: сбежать к интам в ацалы, где еще правили потомки воцеллов. В противном случае наглецы и несогласные быстро опускались так, что теряли подобие мыслящего и разумного существа, бормоча, когда их спрашивали, записанные в их головы мантры о великости правителей и правящего класса.

В пятьдесят четыре года отец вознамерился меня женить и сделать наследником престола. Я тогда никак не мог понять, зачем это ему нужно, но согласился. Отказаться не мог: меня бы нагнули и принудили жениться в любом случае. Семья и жена, в принципе, мне не были нужны. Я и без этого имел все, что хотел. Я не хотел обязанностей, а еще больше не хотел, чтобы возле меня кто-то притворно вздыхал, ждал взаимности, рассчитывал на проявление к нему чувств, которых у меня не было. Так что жениться-то я женился, но через год развелся и снова пустился во все тяжкие. Зачем мне жить, я не знал. Транжирил жизнь, получая ветчунг – высшее удовольствие, участвуя в самых рискованных предприятиях, которыми являлись полеты без страховки на всех типах летательных аппаратов, прыжки с высоты с последующим парением, и многое другое, о чем нет смысла говорить. Такое проживание несколько взбадривало меня, но приходило время, и я вновь погружался в депрессивные состояния.

Между тем отец, видя, что я снова занялся привычным для себя делом, решил меня поставить на место, но тут грянула война. На этот раз правители соседних с Сихтэей ацалов объединились с Вахутирном в союз, и общие войска начали наступление на катр Ваицилн. Пилг тогда притих. Наступление развивалось бодро. Вначале даже была занята часть ацала Дзиака, но у союзников с некоторого времени что-то снова пошло не так. Хуже всего, когда нет единого командования, а первые победы кружат голову. Отец доверил наступление на катр одному из полководцев правителя второй после Сихтэи державы. Он поторопился и, как результат, наступление захлебнулось. А в это время непонятно откуда взявшиеся в тылу инты ударили в спину войскам. Более того, летучие отряды интов напали на базы противника не только на территории Дзиака и пилга, но и на территориях Сихтэи и соседних с ней держав.

События повторились, как и в прошлый раз. Не помогли ни превосходство в силе, ни в технике и средствах. Инты и илахоцы научились воевать и по снаряжению их лучшие части ничем не уступали кадровым войскам. Инты не остановились на том, чтобы выбить врага из Дзиака и пилга. Помощник Игула, мастер Аом, совершил удачную вылазку из природной зоны и застал врасплох Ануига, владыку Тэлхии – государства, граничащего с Сихтэей. Причем унизил его так, что гордый правитель вынужден был просить военной поддержки и помощи у Вахутирна. Отец не отказал и направил воинов на помощь Ануигу. Совместными усилиями инты были выбиты из большей части владений Ануига, но двойного оскорбления своего величия Ануиг снести не мог. Он выступил инициатором нового совместного похода на катр Ваицилн, располагавшийся в природной зоне, которую свободолюбивые местные жители ласково называли Этолай, что в переводе означало: богатая свободой благодатная почва.

В реальности в области Этолай располагались влажные леса, чередовавшиеся с озерами, вачегами (аналог болот), речкам и горной местностью. Скалистые пики устремлялись в небо, разрывая сплошной лесной покров местности, создавая на своих склонах и редких плато уникальные условия для жизни и существования. Назывались эти дикие и первозданные места – Омул. Ослабленная гравитация вместе со ступенчатым рельефом, летающие камни и скалы, которые держались за поверхность земли посредством лиан и выющейся растительности, густые туманы, вода, водопадом падающая с неба, – все это придавало неповторимость и уникальность здешней местности.

Видели ли вы воду, которая, преодолев все законы гравитации, не плещется в углублениях планетарной тверди, а летает над ней, организуясь в объемы причудливой формы, то собираясь в единый водный массив, то рассыпаясь на мириады отдельных капель, висящих в воздухе над самой поверхностью? Такими были озерца-вабэги, летающие над поверхностью планеты в определенных местах, и это было отнюдь не самой большой достопримечательностью этих первозданных, суровых, но прекрасных в своей красоте мест. Кое-где, несмотря на прогресс и все достижения нашей цивилизации, в этих местах еще не ступала нога лаэсала.

Илахоцы и нуйги жили в природных зонах, составлявших более двух третьих всей суши планеты. Только одна пятая часть суши была изменена в результате сознательной преобразующей деятельности лаэсалов. И то, только сорок процентов из этой пятой части были существенно преобразованы так, что здесь возникали порождения цивилизации: образования, ландшафты и объекты, отличавшиеся от мира дикой природы, но, тем не менее, все же вписывавшиеся в него.

Искусственными образованиями на теле Фэтона были атшеты, аналоги земных загородных зон и поселений, где создавалась природная управляемая среда, несколько отличная от мест дикой природы с объектами, выполненными из специальных материалов, каковыми были жилища, эстакады, платформы, средства передвижения и различные орудия, необхо-

димые для проживания и преобразования среды. Эти материалы не были чуждыми природе, хотя и были искусственного происхождения. Преобразование ландшафтов за счет силы и технологий было общепринятым на ряде территорий, но и оно носило природный и устойчивый характер, равно как и генная инженерия, создававшая породы и виды животных и растений, которых не было в естественной среде.

Свод правил Лючина обязывал всех лаэсалов работать только с материалами, сплавами и технологиями строго определенного вида, а также идти на специальное обеспечение условий проживания для лаэсалов. Это означало то, что выброс мусора или отходов от производства и жизнедеятельности в окружающую среду не допускался ни под каким предлогом. Проживание в катрах и в энтах, так назывались поселения, насчитывающие в своем составе больше, чем сто тысяч жителей, происходило на специальных многоуровневых платформах, поднятых над не преобразованной местностью на столбах-опорах или за счет других приспособлений.

Здесь были разрешены к применению все технические достижения. Зачастую платформы-натфы располагались над дикой местностью. На них располагались многоэтажные сооружения, стелы маяков и высотных зданий, уходящие высоко ввысь. Здесь кипела жизнь. Сотни и тысячи летательных аппаратов, без которых лаэсалы не мыслили себя, постоянно пребывали в воздухе. Многие лаэсалы, особенно высший класс, летали и без них, пользуясь способностями или специальными приспособлениями.

Все знали одно: за нарушение свода правил было одно наказание – смерть или, в крайнем случае, резкое сокращение сроков жизни за счет принудительных работ. Даже отец и его ближайшие помощники не решались нарушать правила жизни. Слишком хорошо все знали и помнили к чему совсем недавно пришла прошлая цивилизация и на краю какой бездны стояли жители Фаэтона.

Чем еще отличалась Сихтэя от остальных государств, так это тем, что ее столица – Фаэя – была образована из нескольких энтах, сросшихся в один узел за счет переходов, коммуникаций, платформ и иных средств. Пять платформ, две из которых находились над водой, а три на суше, соединившись, образовывали единый остов, единое поле для жизни, где численность населения вместе с еще восьмью вспомогательными платформами превышала миллион лаэсалов. Это был самый большой населенный пункт на планете.

В Фаэе было сосредоточено все: сила, богатство, власть, интеллектуальный ресурс. Без сомнения, на время моего рассказа, Фаэя была центром нашего мира, а Вахутирн был его правителем единым и бессменным вот уже более двухсот лет. Срок для правителя более чем солидный. Некоторые правители не пробыли на этом посту и года. Отцу удалось то, что удавалось немногим. По пальцам можно было пересчитать правителей, которые в течение последних пяти тысяч лет так долго правили Сихтэей. Тем значимее было величие моего родителя. Он уже стал нозом – выдающейся личностью. Ему воздавали почести и пели хвалу вначале тихонько, а потом все больше и больше. Сейчас подобные восхваления и воспевания вообще стали нормой.

Так, широкими мазками, я вкратце описал картину нашей жизни, которую дополню и разовью по мере дальнейшего рассказа.

Изменения в моей жизни начались в тот самый день, когда отец призвал меня к себе для беседы во дворец, располагавшийся в самом центре Фаэи в гордом одиночестве, отделенный от остальных высотных построек воздушным пространством и силовыми столбами-вышками. Наш с ним разговор произошел на одном из самых высоких уровней Оцвилума – этой без сомнения величественной постройки, чей верх располагался в двух сотнях ийнов (примерно триста двадцать метров) над уровнем основной платформы. Башню-стелу венчала сфера, где в одном из залов и проходила беседа. Здесь, под куполом, словно парившим в

воздухе, раздавалось мелодичное звучание, слышался шум воды и, главное, отсюда с высоты открывался прекрасный вид на Фаэю и окружающие ее пространства.

Когда я вошел в зал, отец в обществе двух советников рассматривал на экранах и в шарообразных и яйцеобразных сферах последние события. Увидев меня, он сделал едва заметный знак и изображения исчезли. Сановники, прикрыв глаза и отвесив легкий поклон, вышли из зала.

«Проходи, Тэатан. Пришло время нам с тобой серьезно поговорить», – позвучали в моей голове мысли отца.

Лицо правителя Сихтэй было спокойным, но в глубине его глаз я заметил усмешку. Отец был рад видеть меня. Этот среднего роста, широкий в плечах мужчина всем своим видом не слишком напоминал грозного правителя, но первое впечатление было обманчивым. Привычка повелевать была написана на лице Вахутирна.

Удобно устроившись на диване-кресле, стоящем на подиуме, отец делал вид, что забавляется, просматривая висящие в воздухе изображения, на самом деле он внимательно наблюдал за мной. Рядом с ним в воздухе летали различные предметы, фрукты и даже вода. Я, подойдя к подиуму, чуть наклонил голову и приложил руки крест на крест к груди, выражая этим свое почтение.

– Что ты кланяешься, как болванчик, – начал отец. – Распрямись и посмотри на меня.

Я исполнил распоряжение, смотря чуть мимо его больших, коричнево-темных, почти черных глаз. От отца не укрылось то, что еще недавно я развлекался, оттягиваясь в компании друзей и помощников.

– Опять глотал сладкий дым и перепил кэфлы (галлюциногенный напиток)? Я тебя сколько раз предупреждал? Попадешься стражам, накажу, как простого лаэсала.

– Ичесант (уважительное обращение к правителю), я не мог удержаться от того, чтобы не получить наслаждение, – честно ответил я, зная, что отец, как бы он не сердился, уважает правдивые ответы.

Вахутирн только лишь криво усмехнулся. Правый уголок губ у него приподнялся. На лице отца прочитывалось некоторое разочарование сложившимся у меня положением дел. Сделав небольшую паузу, Вахутирн произнес:

– Окружение во многом делает правителя, а не наоборот. Вот в чем причина всех неурядиц, в том числе и твоих. Мы устраним этот недостаток.

Я уже догадывался, что в дальнейшем скажет отец, а он между тем продолжал:

– Твоих товарищей по попойкам и кутежам я отстраняю от твоего тела. Распоряжение уже выполняется, так что бывших знакомых в своем новом окружении не ищи. Я полностью сменил его.

– Но, отец?!

– Пришло время тебе стать тем, кем необходимо, для того, чтобы помочь мне править Сихтэей. Или ты думаешь, что я один справлюсь с задачей?

– Есть много достойных личностей, которые, вне сомнения, сделают эту работу не хуже, а может, и лучше меня.

Во время сказанной фразы я упер взгляд в пол и чуть прикрыл веки, имитируя, что мне больно смотреть на солнце, которым все считали отца. Поступая так и выказывая отцу такую почесть, я рассчитывал на то, что он явит милость и вернет хоть часть моих товарищей на место, но ошибся. Этот жест разъярил отца. Признаки недовольства появились на его лице.

– Чтобы я больше не видел на твоём лице эту унылую гримасу почтения. Ты кто? Ты в скором будущем правитель, а ведешь себя, как придворный подхалим, желая задобрить меня ужимками и способствовать тому, чтобы быстрее вернуться к разгульной жизни. Думаешь, я не знаю, чего ты хочешь? Возврата назад не будет. С сегодняшнего дня у тебя начинается новая жизнь. Твой новый учитель и по совместительству советник Эльсун, а также вновь

назначенные лица, уже ждут окончания нашей беседы, чтобы сопровождать тебя всюду, куда бы ты ни шел и где бы ни появлялся. Им дано распоряжение присматривать за тобой, больше не допускать кутежей и разврата в твоём исполнении. Серьезное распоряжение, – добавил отец.

Я знал, что в его устах означают эти слова. За невыполнение этого требования любого из вновь назначенных ко мне сопровождающих могли просто-напросто лишиться жизни. Естественно, никто бы из них ни под каким предлогом не пошел бы на нарушение режима.

– Пора тебя убирать из этого притона, под названием Фаэя.

– Отец, за что?! Я не хочу никуда уезжать.

– Я сказал, а ты выполнил. Мои распоряжения не обсуждаются.

– Отец, честно, я женюсь. У меня даже девушка есть на примете добрая и хорошая.

Вахутирн еле заметно усмехнулся.

– В твоём окружении нет нормальных женщин, а тем более девушками в нём давно и не пахнет. Женых. Раньше надо было думать. Я тебе свою жизнь прожигать не дам, тем более что, – тут отец слегка нахмурил брови, – пришло время для того, чтобы готовиться к выполнению предназначения.

После этих слов я окончательно понял, что отец от меня не отступится и мне придется делать все, что он скажет.

– Ты своими оргиями и развлечениями в три раза уменьшил возможный срок своей жизни за какие-то шестьдесят лет. Если бы не энергетическое и силовое сопровождение, то что бы ты вообще делал? Об этом ты подумал? Не подумал, – сам себе ответил отец. – Ты вообще в последнее время перестал думать. За тебя твой половой орган стал думать, ища, в какую бы щель влезть и с кем бы кайфануть. Мое терпение закончилось. С завтрашнего дня отправляешься в катр Болн.

– В Болн?! – вырвалось у меня. – Что там делать? Там же крайняя точка наших владений. Вокруг вековые леса и болота, а еще инты. Они нападают на поселения. Меня могут убить! – чуть ли не воскликнул я, пытаюсь хоть этим как-то повлиять на отца, но его мои восклицания не тронули.

Более того, он довольно ухмыльнулся.

– Хотя с географией у тебя в порядке. Окончательно мозги ты еще не потерял, что отрадно. Ничего опасность – она стимулирует мышление. С тобой вместе будут отважные и умелые воины, они не дадут тебе погибнуть. Начнешь заниматься собой, а через полгодика вернешься, если, конечно, все будет нормально. Если нет, и ты будешь продолжать свои безобразные выходки, там и останешься. В таком случае я лишу тебя права наследования, сниму охрану, и ты прочувствуешь на себе, что такое инты и недостаточно комфортные условия проживания, к которым ты не привык.

После этих слов Вахутирн долго молчал, поглядывая на меня. Вид у меня был упавший.

– Сын, – после паузы негромко произнес Вахутирн, – мне нужна твоя помощь. Ты должен возглавить войско и взять катр Ваиц. В этом твое призвание.

– Что? – удивился я.

– Да, призвание. Не удивляйся ты так. Если все сложится так, как мы предполагаем, то ты скоро начнешь слушать и видеть силу, а вслед за этим и применять ее. Несколько лет придется повременить для того, чтобы кое-чему научиться.

– Но у тебя есть полководцы – Тафэн, Огма, наконец, старшие сыновья.

При упоминании о сыновьях Вахутирн посуровел.

– Речь идет о тебе. За остальных отвечу я. Разговор окончен. Свободен.

Я еще раз наклонился, только на этот раз еще ниже, обозначая этим жестом свое согласие, но на отца это не произвело впечатление.

«Бросай свои подхалимские замашки, – услышал я его мысли. – Мне нужен воин и силовик, способный на поступок мужчины, а не придворный шут или лакей».

После этой мысли я еще больше утвердился в том, что моя прошлая жизнь закончилось, но так просто сдаваться я не собирался. Моему возмущению не было предела.

«Как так? Меня, уже сложившуюся личность, сына правителя, отец своим решением решил запроторить на окраину и куда? В глушь, где нет ничего: ни развлечений, ни цивилизации. Сам же меня воспитывал при дворе и все разрешал», – возмущенно думал я, покидая апартаменты отца.

Снаружи меня уже ждали сразу трое мужчин. Они еле заметными кивками головы, как будто равные мне, сыну правителя, приветствовали меня, после чего самый главный из них, который, как я думал и был моим новым учителем, произнес:

– Будь силен и удачлив Тэатан, сын Вахутирна. Я твой новый помощник и учитель – Эльсун. Сейчас мы с тобой пойдем в зал для выполнения упражнений и специальных нагрузок. Я хочу посмотреть, на что ты способен.

Меня так возмутили эти слова, что я едва не накинулся с кулаками на этого нахала, но, сдержавшись, произнес:

– Я сейчас не расположен к нагрузкам, – после чего хотел пройти мимо Эльсуна, но не смог ступить и шага, даже рукой повести.

– Мы сейчас пойдем в тэлх (зал для тренировок), а потом будет все остальное, – повторил Эльсун.

Пришлось подчиниться. Так я, Аэлс, проникая взглядом сквозь время, вижу себя еще очень молодым и неопытным лаэсалом, недовольным тем, что со мной так поступили, изменив мой привычный образ жизни и времяпрепровождение.

«Ничего, я еще отомщу недоброжелателям и вернусь к тому, что было», – так думал я, следуя в сопровождении Эльсуна в зал.

Как потом оказалось, ничего этого не случилось.

Со временем, через несколько лет, когда я отошел от дурмана, то с удивлением спрашивал себя: «Что меня привлекало в пустых развлечениях?» – и не находил ответа. Новая жизнь захватила меня, правда, не сразу. Потребовалось некоторое время для того, чтобы я отошел от прежней разгульной жизни. Все-таки проживание в праздности и постепенное умирание стали для меня привычным делом.

Глава 2

Жесткий урок

Трудно на самом деле тогда, когда ты не прилагаешь усилий к тому, что требует их приложения.

В действительности каждый из нас, говоря, что ему трудно и он не способен на действие, не только обманывает себя, но и еще сильнее укрепляет свое нежелание что-либо сделать в нужном направлении.

Когда же ты поставлен перед фактом, что не делать то, что тебе определили, нельзя, ты, пусть вначале и побуждаемый насилием, постепенно начинаешь переделывать и перестраивать себя всю оставшуюся жизнь.

Только с годами ты, движимый сознанием и пониманием того, чего раньше видеть и понимать не хотел, становишься мудрее и разумнее в принятии происходящего таким, каким оно есть и не ставишь сам себе дополнительных барьеров и преград, экономя силу на более важные дела.

Аэлс Ту Обинро

В зале, куда мы направились после того, как Эльсун применил способности и повлиял на меня, нас уже ждали. Сын правителя, который до этого времени сюда вообще никогда раньше не заглядывал, был тем редкостным экземпляром, посмотреть на которого сошлись все завсегдатаи тэлха, а их было немало. Сооружение, где находился тэлх, было, наверное, самым лучшим и известным в Фазе с точки зрения того, что было собрано здесь для любого вида тренировок, в особенности для развития силы.

Комплекс Оэран представлял собой единый ансамбль зданий и сооружений, раскинувшийся на значительной площади. Центром Оэрана был Нотрум. В это здание, которое виднелось издали благодаря шпилю, поднимавшемуся вверх на пятьдесят ийнов (примерно семьдесят метров), и лежал наш путь, благо от отцовской резиденции до него было рукой подать.

Я хотел, чтобы мы совершили перемещение к Нотруму на одном из летательных аппаратов, но Эльсун почему-то не пошел мне навстречу. В ответ на мое предложение этот еще молодой мужчина, во взгляде которого я чувствовал, если не презрение, то специфическое отношение к себе, сказал:

– Привыкай ходить ногами. В пилге нам с тобой придется много и долго ходить, а мышцы у тебя к нагрузкам не привыкли.

Я тогда взбрыкнул, с руганью высказал Эльсуну все, что о нем думаю, но он и бровью не повел, даже не усмехнулся, а только лишь произнес в ответ:

– Я бы на твоём месте подумал о том, что такое поведение может стоить тебе жизни. Зачем себя лишней раз ослаблять, давая волю эмоциям и злобе?

Я не понял Эльсуна. Он, как мне казалось, был совсем из другого мира, который я совсем не знал, да и не хотел знать. Я желал, лишь одного: чтобы от меня отстали и дали заниматься тем, к чему я привык. А привык я развлекаться, празднично проводить время и делать то, что пожелаю, не стесняя себя никакими ограничениями. Как мне казалось тогда, все мое существо протестовало против насилия, которое предпринял против меня отец. У меня, не скрою, возникло к нему недоброе чувство, но это, оказывается, были еще только цветочки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.